

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество И. А. Федосовой — одно из значительнейших художественных явлений русской народной поэзии XIX века. Оно обобщило важнейшие стороны мировоззрения русского крестьянства первых пореформенных лет и лучшие достижения поэтической традиции середины XIX века.

Расширение содержания и обострение социального протеста, значительное изменение композиции обрядовых причитаний, связанное с изменением структуры похоронного, свадебного и рекрутского обрядов под влиянием разложения общины и «большой семьи», тенденция к превращению причитания в социально-бытовую поэму по мере насыщения ее социальными и бытовыми мотивами, характерная для творчества Федосовой, были типичными для развития всей русской причеты второй половины XIX—начала XX века.

В ряде текстов, записанных во второй половине XIX в., мы находим прямые переключки с отдельными мотивами творчества Федосовой. Одна из основных ее тем — судьба вдовы в капитализирующейся деревне — составляет основное содержание всех опубликованных текстов этой эпохи. В подавляющем большинстве случаев записи причитаний дают уже зарисовки быта «малых семей». Встречаются и частные совпадения. «Плач о потопших» Федосовой в известной мере переключается с «Заплачкой об утопших в Онеге-озере», записанной в 1867 г. Е. В. Барсовым от М. Федоровой.¹

¹ См. Олон. Губ. Вед., 1867, № 30.

Федосовская тема «судей неправосудных» находит свое продолжение в гневных строках причитания С. Ю. Тараевой, записанного А. А. Шахматовым в 1884 г.¹ о «злодейных грозных начальниках», которые так же, как смерть отняла мужа, отнимут у овдовевшей «рожных детушек», в обличении судей-взяточников, у которых правду могут найти только богатеи, из причитания Лукерьи Ланевой, записанного в 1903 г. Н. С. Шайжиным:

Ведь судьи судя за денежки,
А начальство за подарочки, —
У моего-то у жадобного
Нет грошев да ныньку старших,
Нету денежек лежалых.
Не отдарище видно бедному.²

Просматривая записи причитаний этой поры, мы встретим характерные зарисовки бедственного положения вдовы и сирот в капитализирующейся деревне. Так, например, в одном из причитаний выдающегося мастера этого жанра Н. С. Богдановой привычная тема прихода первой весны после смерти покойного получает глубокое и поэтичное толкование:

Полянушки у нас да не запашутсе,
Поженьки у нас не покосятсе,
Водушки у нас да не наловятсе,
Опустеет наше житье-живленьеце,
И опустеет хоромное строеньеце,
Есе застынет у нас да захолбнеет.
Как посл: тебя-то теперь, родитель-батюшка,
Кирпичная печенька не топлена;
В одном уголочку пушистые снежочки,
А во другом морозушки трескучини,
Все пустым у нас стало теперь пустешенько.
Холодным да холоднешенько.
Мы сидим-то тут победный головушки,
Бытто зимни ушлы малы зайюшки,
Дежидасм все кормильца домой батюшка.³

Здесь уже нет речи о поддержке овдовевшей «большой семьей», нет даже речи об обатрачивании вдовы и ее детей членами «большой семьи», как мы это отмечали

¹ См. Фольклорные записи А. А. Шахматова, ред. А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Каплан, Петрозаводск, 1948, стр. 46.

² См. Олон. Губ. Вед., 1903, № 48.

³ Русские плачи (причитания). Ред. текстов и примечания Г. С. Виноградова, в сер. «Библиотека поэта», Советский писатель, 1937, стр. 114.

для 60-х гг. по текстам Федосовой. Поэтому в причитаниях этой поры с особенной силой звучит мотив вдовьего и сиротского одиночества, поэтически выраженный в образе пустой избы, запаханых полов и искошенных покосов.

Причитывающая прежде всего озабочена судьбой детей:

Так во том углу пустешенько,
Во другом да порознешенько,
На середочки сироточки,
Глупы малы недоросточки.¹

Особенно ярки бытовые картины в поминальных и близких к ним внеобрядовых бытовых причитаниях, таких, как плачи о рыбаке, утонувшем во время бури,² об умершем от опоя,³ о муже, убитом в пьяном скандале,⁴ о нечаянно застреленном сыне,⁵ плачах на ужбище наваг,⁶ на сенокосе⁷ и др.

Предчувствия вдовы трагичны, потому что она знает, как живут другие сиротки в деревне:

Как у сиротских наших детушек
По колен да ножки трескались,
По локоткам ручки грязные,
На каждой волосиночке
По горячей по слезиночке.⁸

Социальное разложение деревни и пауперизация беднейших слоев крестьянства приводили к массовому уходу крестьян на лесоразработки, на фабрики, на заводы, на городское строительство. Характеризуя этот процесс, В. И. Ленин писал: «В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработку и т. п.,

¹ См. М. М. Михайлов, «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, стр. 62. Текст является воспроизведением дореволюционного причитания (см. «Примечания», стр. 311).

² Там же, стр. 105. Запись текста, возникшего до 1917 г.

³ См. напр. записи от У. А. Бакановой о муже и сыне, там же № 19 и 20; то же воспроизведение дореволюционных причитаний (см. «Примечания», стр. 312).

⁴ Русские плачи, стр. 11—116.

⁵ М. М. Михайлов, стр. 16.

⁶ М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, № 61.

⁷ М. М. Михайлов, № 17.

⁸ Там же, № 18.

без того, чтобы не искать «подсобных», сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы крестьянства в ряды пролетариата».¹

Уход в «бурлаки» (так на русском Севере назывался уход на заработки), «бурлачество», «бурлакушки» — становятся популярным мотивом причитаний пореформенной эпохи.²

Теснейшую связь с процессами капитализации деревни имеют причитания по умершим и погибшим на отхожих заработках. Можно назвать причитания о муже, убитом деревом на лесозаготовках,³ о сыне, раздавленном лесами при ремонте петербургского дворца,⁴ и др. С этой же темой связано известное причитание Н. С. Богдановой «По муже, погибшем на Киваче при сплаве леса».⁵ Причитание Н. С. Богдановой во многом напоминает плачи-поэмы И. А. Федосовой. В нем подробно, со множеством деталей, рассказывается трагическая история крестьянина, вынужденного подрядиться на весенний сплав для того, чтобы избежать разорения, и погибшего из-за своей неопытности в этой опасной, сопряженной с огромным риском, но «доходной» работе. В поэме с мастерством обрисовано психологическое состояние женщины, провожающей мужа на сплав, ее ожидания «весточки», ее страстное желание не верить печальному известию, горе по поводу того, что муж похоронен в чужом неприятном месте, печаль по умершем, страх перед будущей вдовьей долей и т. д. Н. С. Богданова подчеркивает, что муж ее **вынужден** был отправиться на сплав. Причина случившегося несчастья — не легкомыслие человека, не послушавшегося предостережения, а экономический гнет, крайняя степень нищеты и разорения русской деревни начала XX века, острое ощущение

¹ Соч., т. III, стр. 131.

² См. напр. «Олонечкая неделя», 1913, № 12, стр. 12; Михайлов, «Русские плачи Карелии», стр. 106 и др.

³ Михайлов, № 15.

⁴ Соколовы Б. и Ю., Сказки и песни Белозерского края, СПб, 1915.

⁵ Русские плачи, стр. 121—127; Н. С. Богданова-Зиновьева (1861—1937) — выдающаяся сказительница конца XIX — начала XX вв., родом из Заонежья, большой знаток и мастер исполнения былин, сказок, причитаний. Подробные сведения о ней см. А. М. Астахова, Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 45 сл.

экономической неустойчивости («быдто в полюшке шатучи деревиночки»). Наконец, плач-поэма Н. С. Богдановой представляет значительный интерес еще одной своей стороной. С большой художественной силой изображает сказительница ужасающие условия труда на сплаве, ясно свидетельствующие о том, что лесопромышленники, выжимая максимальную прибыль, совершенно не заботились об охране труда. Вместе с тем Н. С. Богданова, горюя о гибели мужа, воспринимает разорение деревни и жестокую эксплуатацию на лесопромыслах как нечто фатально-неизбежное, она не поднимается до серьезного социального обобщения и протеста:

Видно, богом-то смеретка им да сужена,
Да самы́ ихны головушки на суд пришли.

Н. С. Богданова — большой мастер причети, она хорошо умеет передавать психологическое состояние своих героев, с большой отчетливостью видит детали изображаемого. Нарисованный ею случай, несомненно, типичен и воспринимался слушателями как обобщение, порожденное самой жизнью. Однако Н. С. Богданова уступает своей старшей современнице и землячке И. А. Федосовой в умении вскрыть социальную природу трагического события, в решимости протестовать против невыносимой тяжести угнетения. Именно поэтому в ее плачах есть несомненные натуралистические элементы.

Судьба вдовы, какой ее рисуют Богданова и ее современницы Конихина, Ланева, Белоусова, Денисова и др., типична для предреволюционных лет так же, как судьба вдовы, поэтически запечатленная Федосовой для 60-х гг. XIX века.

Для капитализирующейся деревни пореформенной и предреволюционной поры наряду с массовым уходом крестьян на отхожие заработки чрезвычайно характерным был рост батрачества, усиление противоречий между бедняцкой и зажиточной частью деревни.

Батрачество также широко отразилось в причети. Вопленицы изображают тяжесть батрачества, издевательства кулаков над батраками. В этом отношении очень характерен батрацкий плач М. Ф. Павковой, произведенный ею в советское время по просьбе собирателя — М. М. Михайлова. Батрачившая в предреволю-

ционные годы, М. Ф. Павкова¹ живо вспоминает пережитые ею несчастья в плаче по сыне, умершем в дореволюционное время:

Как пойду беднѣ горющица
В лес на трудную работушку
По солнцеставу солнца красного,
К богачам пойду на трудную,
Я за гривну, за двугривенный,
А к закату солнца красного
До того доработѣюся,
Что едва домой шатаюся.²

Тяжкая, отнимающая все силы батрацкая работа не обеспечивала даже минимального заработка. Единственный сын батрачки вынужден нищенствовать:

Он везде у нас шатается,
Он везде у нас скитается,
В чужи крыльца наставляется,
Себе поест насобирается.³

Н. С. Богданова рисует не менее выразительную картину. Она оплакивает дочь, надорвавшую здоровье на батрацкой работе:

Будили-то по утрышку раненько
Все тебя до праведного солнышка
И разряжали на крестьянскую работушку,
Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу тебе оны заботушку:
Гди работушка та им не прилюбиласе,
Да тогда оны тобой да замешались,
Огрубляли тебя грубными словечками,
Ударяли-то ударами ведь больными,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горющицу.⁴

Эту же тему разработала и А. М. Пашкова в плаче, звучавшем впервые в 1913 г. («Плач сироты по дяде»).⁵ Беломорская плачя Е. А. Петухова в причитании на ужбище наваги с глубокой грустью говорит о том, что детям вдовы, повидимому, не избежать участи батраков.

Батрацкие причитания особенно интересны ясностью понимания причин и виновников несчастий батраков. Богданова, Павкова и другие мастера предреволюцион-

¹ В советское время М. Ф. Павкова — женделегатка, участница Всекарельского съезда женщин. К моменту записи — ее сын был старшим агрономом МТС.

² Михайлов, стр. 100.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Русские плачи, стр. 102.

⁵ Михайлов, № 5.

ной причети с ненавистью говорят о бесчеловечности кулаков. Богданова упрекает себя в том, что не протестовала во-время против жестоких притеснений, которым подвергалась ее дочь. Пашкова рисует кулаков жадными, скупыми и несправедливыми.

Замечательное выражение ненависти к кулакам звучит в одном из причитаний талантливой пудожской сказительницы Н. В. Конихиной. Она говорит о том, что кулаки отняли у бедняков все, даже солнце. Солнце светит только богатым.

.....
Как на мое-то на сердцушко
Не пекáло солнце красное,
На ём ли на бесцáсном,
Во всяку псру-времяшко
Е заносы снегу белого,
Погребощьки ледку ярого...

В порыве гнева она хочет уйти от этого мира, в котором все — на потребу кулаков, уйти, —

Ш:об ветрушки не веяли,
Меня людюшки не видели.¹

Характерно, что причитание Конихиной записано в 1905 г. — в год революции, крестьянских волнений и возмущений, широко разлившихся по всей стране. Вместе с тем, в нем сказывается и неясность крестьянских идеалов, неприятие капиталистической действительности, стремление к изменению ее и непонимание реальных возможностей и путей ее изменения, о которых говорил В. И. Ленин.

В причитаниях, особенно в рекрутских, отразились и крупнейшие исторические события предреволюционных лет — русско-японская война² и первая мировая война.³ Однако в записанных текстах слабо сказались взгляды

¹ Олон. Губ. Вед., 1905, 15 окт., № 109, стр. 3.

² См. «Приплач вдовы по муже, убитом на Дальнем Востоке», Олон. Губ. Вед., 1905, 15 окт., №№ 107 и 109; «Плач об ушедших в солдаты» из публикации А. Суворовского, Этнограф. Обзор., 1907, № 3, стр. 90—91 и др.

³ Зимин М. М. и Нефедов Ф. Д. Плачи по призванным на военную службу. (Из записей в Ковернинском крае Костромской губ. в 1916 г.), Второй этнограф. сб. Костромского научн. общ. по изучению края, Кострома, 1920, стр. 1—10 и 11—20; Ульянов И. И., Обрядовые причитания при провах солдат на войну, Петроград, 1915; Базанов В. Г., Песни Печоры, Сыктывкар, 1943, стр. 62, (запись от М. Б. Поздеевой).

передового крестьянства той поры. Для них более характерен пассивный пацифизм, «неохочее, слезливое настроение» (Ленин), чем боевые, революционные наступательные настроения, которыми отличались песни и частушки этих же лет. Вместе с тем знаменательно, что все исполнительницы причетей воспринимают и ту и другую войну, как войну за чуждые народу интересы.

Итак, причитания второй половины XIX — начала XX вв. отразили важнейшие события крестьянской жизни этой эпохи — крестьянские настроения пореформенной поры, важнейшие явления, связанные с капитализацией деревни, нарастание противоречий между беднейшими слоями крестьянства и деревенской буржуазией, русско-японскую и первую мировую войну. Вместе с тем, причитания не только отразили настроения крестьянства, они несомненно сыграли крупную общественную роль, способствовали прояснению социального сознания крестьян, осознанию ими важнейших жизненных явлений и противоречий. Причитания этой поры, как и любого другого периода истории русского трудового народа, не были ведущим жанром народной поэзии. Они существовали рядом и развивались параллельно с песней, частушкой, устным народным рассказом, сказкой, былинной, пословицами и поговорками, народной драмой и другими жанрами. Поэтому и значение наследия Федосовой, естественно, не ограничивается и не определяется силой ее воздействия на дальнейшее развитие русской причеты. Оно было значительно шире и, несомненно, влияло на умонастроения слушателей и читателей ее произведений на всем протяжении ее поэтической деятельности, способствовало прояснению их классового сознания, укрепляло в них ненависть к угнетателям и стремление к социальной справедливости, воспитывало любовь и уважение к русской женщине, несшей на своих плечах двойную тяжесть социального и семейного гнета, — следовательно, влияло на развитие многих жанров русского народного творчества. Оно продолжало жить и в сознании читателей, знакомых с творчеством Некрасова и Горького, деятельностью Шалапина и Римского-Корсакова, оно, наконец, помогло Д. Бедному создать одну из первых русских советских

массовых песен, вошедшую в золотой фонд советской поэзии («Проводы»).

Творчество Федосовой — вершина поэтического развития русской причеты. Характерно в то же время, что в ее творчестве на почве причеты возникает новый жанр, («плач-поэма»), связанный с началом нового этапа в развитии реалистического изображения действительности в русской народной поэзии. Творчество Федосовой было вершиной поэтического развития русской причеты, не только в силу изумительной одаренности этой простой крестьянской женщины-поэтессы. Оно было таким потому, что возникло на гребне все возрастающей в пореформенные годы ненависти русских крестьян к их угнетателям, отразило остроту политической ситуации первых пореформенных лет (см. у В. И. Ленина о силе гнева и ненависти к поработителям, которая отразилась в творчестве И. А. Федосовой — по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, на которые мы неоднократно ссылались). В то же время следует признать закономерным, что в позднейшую пору в этом жанре русского народного творчества не выдвинулось фигуры, подобной и равной И. А. Федосовой. Это несомненно объясняется тем, что с каждым годом и каждым десятилетием пореформенного развития русский трудовой народ все более и более ясно осознавал, что путь революционный есть единственный возможный путь освобождения. Революция 1905—1907 гг. и победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция показали, как далеко ушел передовой русский крестьянин, руководимый русским пролетариатом и его партией от того «бунта на коленях», который, по меткому выражению В. И. Ленина, был для него характерен еще в пору «реформ» 60-х гг. XIX в. В эпоху трех революций «гнев и ненависть к поработителям» уже не прорывались «сквозь жалобы, стон и попытки найти утешение в религии», а выражались в открытых революционных действиях и рвавшейся из подполья боевой революционной песне. Причеть, столь характерная для крестьянского творчества первых пореформенных лет, была естественным ходом исторических событий низведена до положения жанра второстепенного, периферийного, выражающего лишь некоторые стороны крестьянского сознания.

Сказанное требует некоторого уточнения. Разумеется, и в годы, когда творчество Федосовой развивалось особенно активно, русский народ помнил и исполнял песни о Разине и Пугачеве и других вождах крестьянских восстаний, хранил антикрепостнические устные рассказы и устные рассказы о крестьянских «возмущениях» в годы осуществления «реформ», героические былины и сатирические сказки и т. д. Однако следует помнить, что в силу определенных исторических причин, о которых неоднократно писал В. И. Ленин, реформы остались только реформами и революционная ситуация предреформенных лет не привела ни к революции, ни к крестьянской войне, подобной крестьянским войнам XVII—XVIII веков. В силу тех же причин и в русском народном творчестве этой поры не родилось песен, подобных песням, связанным с крупнейшими народными движениями прошлого. Именно поэтому мы и говорили о типичности творчества И. А. Федосовой для первых лет пореформенного развития России, о типичности появления в ее творчестве в эту пору жанра «плача-поэмы», связанного с причетью и в то же время стремившегося к широкому отражению социальной действительности.

И, наконец, из сказанного не следует, что причитания как специфический жанр совершенно сошли со сцены ко времени революции 1905—1907 гг. Они жили и продолжали развиваться, однако перестали быть одним из ведущих и характерных жанров русского народного творчества на этой исторической ступени его развития.

Вместе с тем, старая, дооктябрьская причеть остается и всегда будет для советских людей художественным наследием прошлого, поэтическим памятником трагически тяжелой жизни русского народа в далеком прошлом, его стремлений к счастью и свободе, его ненависти к угнетателям, ко всем формам унижения человеческой личности. В этом наследии почетное место принадлежит творчеству одной из одареннейших народных поэтесс прошлого — замечательной русской женщине Ирине Андреевне Федосовой.